

Предисловие

Первоначально предполагалось, что эта книга станет частью всеобъемлющего трактата по экономической теории, написанного мной несколько лет назад¹. Трактат должен был содержать экономический анализ экономики Робинзона Крузо, свободного рынка и насильственного вмешательства (главным образом со стороны государства). По различным причинам в опубликованный вариант той книги экономический анализ государственного вмешательства удалось включить только в сжатом и усеченном виде. Представленный в данной книге подробный анализ насильственного вмешательства в экономику заполняет пробел, долгое время существовавший в экономической теории.

Кроме того, в этой книге обсуждается тема, которую в опубликованном варианте «Man, Economy and State» автор вынужден был обойти молчанием: роль защитных агентств в экономике, устроенной на принципах свободного рынка. Вопрос о том, как в такой экономике будет обеспечиваться соблюдение прав личности и права собственности, защиты их от насильственных посягательств, в предыдущей книге не рассматривался. В ходе анализа просто предполагалось, что в условиях свободного рынка никто не посягает на личность и собственность других людей. Очевидно, что необходимо дать ответ на вопрос, как в полностью свободном обществе будет решаться проблема защиты личности и собственности от насильственного посягательства.

Практически все экономисты априорно предполагают, что свободный рынок просто *не способен* предоставлять услуги по защите прав и принудительному соблюдению законов, и поэтому для обеспечения защитных услуг над рынком должна господствовать та или иная форма монопольного

---

¹ Rothbard M. N. Man, Economy and State. 2 vols. Van Nostrand, 1962.

государственного вмешательства и агрессии. В отличие от этого в гл. 1 настоящей книги доказывается, что, как и любые другие услуги, услуги по защите прав и принудительному исполнению законов могут поставляться свободным рынком, и, следовательно, даже в этой области нет никакой нужды в действиях государства. Таким образом, впервые экономический анализ деятельности государства приводит к выводу, что не существует таких товаров и услуг, для предоставления и производства которых требуется существование государства. Соответственно, само существование налогообложения и государственного бюджета рассматривается как акт вмешательства в функционирование свободного рынка и исследуются последствия этого вида вмешательства. Часть экономического анализа налогообложения в гл. 4 посвящена подробной критике концепции «справедливого» налогообложения, где утверждается, что прежде чем не критично развивать эту концепцию, следует задаться вопросом, насколько обоснованно существование самого налогообложения. Показано, что поиск налога, «нейтрального» к рынку, также является безнадежной химерой.

Кроме того, в книге предлагается типология государственного вмешательства, классифицирующая различные формы последнего как аутичные, двухсторонние или трехсторонние. При анализе трехстороннего вмешательства в гл. 3 особое внимание уделяется роли государства как источника монопольных, или монополистических, привилегий и многие виды вмешательства, которые прежде не рассматривались как предоставление монополии, исследуются с этой точки зрения.

Много места уделяется критике предложенного Генри Джорджем «единого налога» на земельную ренту. Хотя, на мой взгляд, эта доктрина полностью ошибочна, джорджисты правы, когда утверждают, что в современных работах их важные утверждения и аргументы никогда не упоминаются и тем более никем не опровергнуты, но тем не менее во многих текстах джорджистские концепции молчаливо используются. Теория джорджистского налога слишком долго ждала детальной критики.

Не так давно такие экономисты, как Энтони Даунс, Джеймс Бьюкенен и Гордон Таллок (среди них много представителей чикагской школы), применили экономический анализ к деятельности государства и демократии. Но, с моей точки зрения, они выбрали совершенно неверное направление, рассматривая государство просто как один из видов социальной деятельности, имеющий много сходства с деятельностью на свободном рынке. Таким образом, авторы этой школы уподобляют друг другу действие государства и рынка, не видя между ними почти никакой разницы. Я придерживаюсь противоположной точки зрения, поскольку считаю, что действия государственных органов и добровольные действия на рынке диаметрально противоположны: первые необходимо предполагают насилие, агрессию и эксплуатацию, а последние являются необходимо гармоничными, мирными и взаимовыгодными для всех. Точно так же, в отличие от преобладающего в большинстве публикаций неявного или открытого наивного прославления достоинств демократического правления, обсуждение демократии в гл. 5 представляет собой критику ошибок теории демократии.

Я полагаю, что, предлагая различные меры экономической политики, экономисты должны явно формулировать и обсуждать свои этические концепции, а не вставлять их *ad hoc** и безо всякого обоснования в свои аргументы, как это зачастую делается. Гл. 6 посвящена детальному обсуждению различных критических аргументов, часто выдвигаемых против экономики свободного рынка и свободного общества. Хотя я считаю, что все, включая экономистов, должны основывать предлагаемые меры экономической политики на определенной этической системе, обсуждение в гл. 6 ведется в рамках *Wertfrei*** праксиологической схемы и ограничивается строго логической критикой антирыночной этики, без апелляции какой-либо альтернативной системе политической этики. Последнее я надеюсь сделать в будущем.

---

* К случаю, кстати (*лат.*). — *Прим. ред.*

** Ценностно нейтральный (*нем.*). — *Прим. ред.*

Книга носит в основном теоретический характер. Я не пытался перечислять конкретные институциональные примеры государственного вмешательства, поскольку это потребовало бы нескольких томов.

Мюррей Н. Ротбард
Нью-Йорк
Июль 1969 г.

Глава I

**УСЛУГИ ЗАЩИТЫ
НА СВОБОДНОМ РЫНКЕ**

Экономисты бесчисленное число раз говорили и продолжают говорить о «свободном рынке», общественной системе добровольных обменов товарами и услугами. Но, несмотря на изобилие обращений к данному понятию, в своем анализе они пренебрегают более глубокими выводами из анализа свободного обмена. Так, обычно игнорируется тот факт, что свободный обмен *подразумевает* обмен титулов (прав) собственности на имущество и что, следовательно, экономист обязан исследовать условия и природу имущественной собственности, которая существовала бы в свободном обществе. Если свободное общество означает мир, в котором никто не посягает на личность и не покушается на собственность других, то это подразумевает общество, в котором каждый человек имеет безусловное право собственности на самого себя и на ранее никому не принадлежавшие природные ресурсы, которые он находит, преобразует посредством собственного труда и затем передает другим или обменивается с ними¹. Безусловное право собственности на самого себя и на ресурсы, которые человек находит, преобразовывает и передает или обменивает, ведет к структуре собственности, которая обнаруживается в капитализме, основанном на свободном рынке. Поэтому экономист не может полностью проанализировать структуру обменов на свободном рынке, не изложив теорию прав собственности или справедливости в отношении собственности, которая должна существовать в обществе со свободным рынком.

В нашем анализе свободного рынка в книге «Человек, экономика и государство» мы предполагали, что на нем не происходит никакого посягательства на чужую собственность — либо потому, что каждый добровольно воздерживается от такого нападения, либо потому, что, какой бы метод насильственной защиты ни существовал на свободном рынке, он оказывается достаточным для предотвращения любой подобной агрессии. Однако экономисты почти неизменно парадоксальным образом предполагают, что свобода рынка должна поддерживаться с помощью агрессивных

---

¹ См: *Rothbard M. N. Man, Economy and State.*

и несвободных действий, — короче говоря, посредством государственных органов и нерыночных отношений.

Предложение защитных услуг на свободном рынке означало бы соблюдение аксиомы свободного общества, а именно отсутствие использования физического насилия, исключая случаи *защиты* от тех, кто использует силу для посягательства на личность или собственность. Это подразумевало бы полное отсутствие государственного аппарата или правительства, ибо государство, в отличие от других лиц и институтов общества, приобретает свои доходы не благодаря свободно заключаемым сделкам, а через систему одностороннего принуждения, называемую «налогообложением». Защита в свободном обществе (включая такие услуги защиты личности и собственности, как охрана с помощью полиции и судебные приговоры) должна была бы, следовательно, предоставляться людьми или фирмами, которые (а) получали бы свой доход от добровольных клиентов, а не посредством принуждения и (б) не присваивали бы себе — как это делает государство — принудительной монополии полицейской или судебной защиты. Только такое — либертарианское — предоставление защитных услуг было бы совместимо со свободным рынком и свободным обществом. Таким образом, защитные фирмы должны были бы быть такими же свободно конкурентными и ненасильственными по отношению к тем, кто не нарушает права личности или собственности, как и прочие поставщики товаров и услуг на свободном рынке. Услуги защиты, подобно всем другим услугам, продавались бы на рынке и предоставлялись бы только таким способом.

Те экономисты и прочие люди, которые придерживаются философии *laissez faire**, полагают, что должна поддерживаться свобода рынка и не должны нарушаться права собственности. Тем не менее они твердо убеждены в том, что услуги защиты *не могут* предоставляться рынком, и в том, что защита от посягательства на собственность должна, следовательно, обеспечиваться за границами свободно-

---

* Политика невмешательства государства в экономику; свободная конкуренция (франц.). — Прим. пер.

го рынка — посредством принудительной силы государства. Утверждая это, они впадают в неразрешимое противоречие, поскольку санкционируют и пропагандируют массированное посягательство на собственность той самой организацией (государством), которая, как предполагается, должна защищать людей от такого посягательства! Ибо правительство, исповедующее *laissez faire*, обязательно должно было бы извлекать свои доходы с помощью посягательства на собственность, называемого налогообложением, и присвоило бы себе принудительную монополию защитных услуг на некоторой произвольно определенной территории. Теоретики *laissez faire* (к которым в этом присоединяются почти все прочие авторы) пытаются избавить свою позицию от этого бросающегося в глаза противоречия посредством утверждения, согласно которому защита, осуществляемая на основе рыночных принципов, *не могла бы* существовать и что, следовательно, те, кто высоко ценит принудительную защиту от насилия, должны были бы прибегнуть к государству (несмотря на его ужасающую историческую репутацию как самого значительного инструмента насилия) как к необходимому злу для защиты прав личности и собственности.

Приверженцы *laissez faire* предлагают несколько возражений против идеи защиты, осуществляемой на принципах свободного рынка. Одно возражение сводится к тому, что поскольку свободный рынок обменов предполагает систему прав собственности, постольку государство необходимо для определения и распределения структуры таких прав. Однако мы видели, что принципы свободного общества *действительно* заключают в себе вполне определенную теорию прав собственности, а именно собственности на самого себя и природные ресурсы, найденные и преобразованные чьи-либо усилиями. Поэтому ни государство, ни иная подобная организация, противоположная рынку, не нужны для распределения прав собственности. Это может и будет достигаться путем использования разума и через посредство самих рыночных процессов; любое другое распределение и определение были бы совершенно произвольными и противоречащими принципам свободного общества.

Аналогичная доктрина утверждает, что защита должна предоставляться государством вследствие уникального статуса защиты как необходимого предварительного условия деятельности рынка, как функции, без которой рыночная экономика не могла бы существовать. Тем не менее данный аргумент является аргументом *non sequitur**, который заходит слишком далеко. Рассмотрение товаров и услуг в терминах их больших *классов* (групп) было ошибкой экономистов классической школы; напротив, современная экономическая теория показала, что услуги должны рассматриваться в терминах *предельных единиц продукции*, ибо все действия на рынке предельны (маржинальны). Если мы начинаем рассматривать целые классы вместо предельных единиц, то мы можем обнаружить несметное число нужных, жизненно необходимых товаров и услуг, которые могли бы считаться «предварительными условиями» рыночной деятельности. Разве не являются жизненно необходимыми для каждого участника рынка земельный участок, или пища, или одежда, или кров? Может ли рынок существовать без них долгое время? А как насчет писчей бумаги, которая стала основным необходимым условием функционирования рынка в сложной современной экономике? Должны ли поэтому все эти товары и услуги предоставляться государством, и только государством?

Сторонник *laissez faire* также предполагает, что в обществе должна существовать единственная принудительная монополия насилия и принятия решений, что должен быть, например, один Верховный суд для вынесения окончательных и неоспоримых решений. Но он не осознает, что на протяжении всей своей истории мир жил без единственного конечного субъекта, принимающего решения для всей его заселенной поверхности. Аргентинец, например, живет в состоянии «анархии», отсутствия правительства относительно гражданина Уругвая или Цейлона. И тем не менее частные граждане этих и других стран живут и торгуют друг с другом, не вступая в неразрешимые юридические конфликты, вопреки отсутствию общего правительства. Аргентинец, ко-

---

* Не следует (*лат.*); здесь: нелогичное заключение. — *Прим. ред.*

торый считает, что он подвергся агрессии со стороны, например, цейлонца, приносит свою жалобу в аргентинский суд, и решение последнего признается цейлонскими судами — и наоборот, если обиженной стороной является цейлонец. Хотя и верно то, что отдельные национальные государства бесконечно воюют друг с другом, но частным гражданам разных стран, несмотря на сильно различающиеся юридические системы, удается жить вместе в гармонии без одного общего для них правительства. Если жители севера американского штата Монтана и канадцы, живущие по ту сторону Саскачевана, могут жить и торговать друг с другом без общего правительства, то так же могут жить и жители севера и юга Монтаны. Короче говоря, сегодняшние границы между государствами являются чисто историческими и произвольными, и необходимость в монопольном правительственном контроле над гражданами одной страны не больше, чем необходимость в едином правительстве для граждан двух разных стран.

В данном случае мы видим определенный парадокс. Казалось бы, сторонники *laissez faire* должны быть горячими приверженцами одного объединенного мирового правительства — чтобы никто не жил в состоянии «анархии» относительно кого-либо другого. На самом деле они почти никогда не являются таковыми. Если признается, что единое мировое правительство *не* является необходимым, то где логический критерий остановки тезиса о необходимости существования отдельных государств? Если Канада и Соединенные Штаты могут быть отдельными странами без того, чтобы их обвиняли в том, что они пребывают в состоянии недопустимой «анархии», почему Юг не может отделиться от Соединенных Штатов? Штат Нью-Йорк от США? Город Нью-Йорк от штата? Почему не может отделиться Манхэттен? Каждый район? Каждый квартал? Каждый дом? Каждый человек? Но, разумеется, если каждый человек может отделиться от правительства, то мы фактически приходим к совершенно свободному обществу, в котором защита предоставляется вместе с другими услугами свободным рынком и в котором экспансионистское государство перестает существовать.

Роль свободно конкурирующих судейских корпораций в истории Запада была в действительности гораздо более важной, чем это часто считается. Торговое право, морское право и многие положения общего права начали разрабатываться конкурирующими частными судьями, к которым обращались за экспертизой тяжущиеся стороны для достижения взаимопонимания по затронутым юридическим вопросам². На ярмарках в Шампани и в огромных центрах международной торговли в Средние века действовали свободно конкурирующие суды, и люди становились постоянными клиентами тех судов, которые они считали самыми справедливыми и квалифицированными.

Рассмотрим подробнее, как может выглядеть система защиты, построенная на принципах свободного рынка соответствующих услуг. Прежде всего, необходимо отдавать себе отчет в том, что конкретные особенности рынка любого товара предсказать невозможно. Пятьдесят лет назад никто не смог бы предсказать, какой будет структура сегодняшней телеиндустрии. Однако мы можем выделить принципиальные свойства системы полицейских и судебных услуг, предоставляемых на конкурентной основе свободным рынком. Скорее всего такие услуги будут потребляться посредством предварительной подписки с периодическими взносами и предоставлением услуг по требованию клиента. Понятно, что в таких условиях на этом рынке появится множество конкурентов, каждый из которых будет стремиться завоевать долю рынка, оказывая услуги таким образом, чтобы это максимизировало его репутацию, основанную на неподкупности. Конечно, возможно, что в некоторых районах одно какое-нибудь агентство победило бы в конкурентной борьбе все остальные, но это не представляется вероятным, если мы примем во внимание, что не существует территориальной монополии и что эффективные фирмы были бы в состоянии открывать свои отделения в других регионах. Представляется вероятным также, что поли-

---

² См.: *Leoni B. Freedom and the Law*. Princeton, N. J.: D. Van Nostrand, 1961. См. также: *Rothbard M. N. On Freedom and the Law // New Individualist Review*. 1962. Winter. P. 37—40.

цейские и судебные услуги оказывались бы страховыми компаниями, потому что сокращение количества преступлений больше всего было бы выгодно именно им.

Одно распространенное возражение против осуществимости предоставляемой рынком защиты (вопрос о ее *желательности* здесь не рассматривается) заключается в следующем. Предположим, что Джонс подписывается на услуги защитного агентства *X*, а Смит подписывается на услуги защитного агентства *Y*. (Для удобства мы будем предполагать, что защитное агентство включает в себя полицейский отряд и суд или суды, хотя очень возможно, что на практике эти две функции выполнялись бы разными фирмами.) Смит утверждает, что на него напал или его ограбил Джонс. Джонс отрицает обвинение. Как в таком случае должно отправляться правосудие?

Очевидно, Смит подаст заявление с обвинением в адрес Джонса и возбудит судебное дело в судебной системе *Y*. Джонса приглашают для защиты себя от обвинений, хотя здесь и не может быть полномочий на принудительный вызов в суд, поскольку насилие любого вида, применяемое против человека, еще не осужденного за совершение преступления, само по себе является агрессией и преступным деянием, не совместимым со свободным обществом, существование которого мы с самого начала постулируем. Если Джонс признан невиновным или если он признан виновным и соглашается с вынесенным приговором, то в этом случае не существует проблемы, и судьи *Y* назначают соответствующие меры наказания³. Однако что произойдет, если Джонс будет оспаривать

---

³ Предположим, что Смит, убежденный в виновности Джонса, «берет закон в свои руки», а не следует судебной процедуре. Что тогда? Само по себе это будет законно и не будет наказываться как преступление, так как никакой суд или агентство в свободном обществе не может иметь права использовать для защиты силу, выходящую за границы того же права каждого индивида. Однако в этом случае Смит столкнется с последствиями встречного иска и судебного разбирательства со стороны Джонса, и в том случае, если Джонс будет признан невиновным, Смит будет наказан как преступник.

приговор? В этом случае он может либо направить дело в свою судебную систему X, либо передать его прямо в какой-либо из конкурирующих частных апелляционных судов, которые, несомненно, в изобилии появятся на рынке для удовлетворения огромной потребности в таких судах. Возможно, будет существовать лишь несколько апелляционных судов, в числе гораздо меньшем, чем количество первичных судов, и каждый из нижестоящих судов будет отрекомендовываться своим клиентам как член именно тех систем апелляционных судов, которые хорошо известны своей эффективностью и неподкупностью. Решение апелляционного суда может в таком случае быть принято обществом как имеющее обязательную силу. Действительно, в основном кодексе законов свободного общества, возможно, должна быть статья, в соответствии с которой решение любых двух судов будет рассматриваться как имеющее обязательную силу, т.е. имелся бы пункт, благодаря которому суд был бы в состоянии принимать меры против стороны, признанной виновной⁴.

Любая юридическая система нуждается в некоей социально согласованной точке прерывания, точке, в которой заканчивается судебная процедура и начинается наказание осужденного преступника. Однако нет необходимости в навязывании единственного монопольного суда, принимающего окончательные решения, и его, конечно, не может быть в свободном обществе; и либертарианский кодекс законов вполне мог бы иметь точку прерывания на основе решений

---

⁴ Кодекс законов совершенно свободного общества будет просто оберегать либертарианскую аксиому: запрещение любого насилия против личности или собственности другого человека (кроме случаев защиты личности или собственности); собственность при этом определяется как собственность на себя и владение ресурсами, которые человек нашел, трансформировал или купил или получил после подобной трансформации. Задача Кодекса — выразить в явном виде то, что подразумевается этой аксиомой (например, либертарианские разделы торгового права или обычного права будут включены, а этатистские наросты — отброшены). Затем Кодекс будет применяться судьями, действующими по законам свободного рынка, которые все будут давать клятву следовать этому Кодексу.

двух судов, поскольку всегда наличествуют две спорящие стороны, истец и ответчик.

Другое распространенное возражение против работоспособности защиты на основе свободного рынка: разве не может одно или более защитных агентств направить свою принудительную власть на криминальные цели? Короче говоря, разве не может частное полицейское агентство использовать свою силу для агрессии против других или разве не может частный суд тайно сговориться для принятия обманных или мошеннических решений и таким образом проводить агрессивные действия против своих клиентов и потерпевших? Весьма широко распространена точка зрения, согласно которой те, кто постулирует безгосударственное общество, также достаточно наивны, чтобы верить, что в таком обществе все люди были бы «хорошими» и никто не захотел бы проявлять агрессию в отношении других. Нет необходимости предполагать любое подобное чудесное изменение человеческой природы. Конечно, некоторые из частных защитных агентств станут криминальными, точно так же, как некоторые люди становятся преступниками и сейчас. Однако главное заключается в том, что в безгосударственном обществе не было бы постоянного *легализованного* источника (канала) преступлений и агрессии, никакого государственного аппарата, контроль за которым предоставляет гарантированную монополию на посягательства против личности и собственности. В том случае, когда существует государство, действительно существует такой встроенный канал, а именно принудительная власть налогообложения и обязательная монополия насильственной защиты. В обществе, полностью устроенном на принципах свободного рынка, предполагаемая криминальная полиция или судебная корпорация обнаружили бы, что захватить власть очень трудно, поскольку там не было бы организованного государственного аппарата, которым можно завладеть и использовать как средство господства. Создать такое средство *de novo** очень трудно и, на самом деле, почти невозможно; исторически правителям потребовались

---

* Заново (лат.). — Прим. ред.

столетия для создания работоспособного государственного аппарата. Кроме того, полностью основанное на свободном рынке, безгосударственное общество содержало бы внутри себя систему встроенных «сдержек и противовесов», которая делала бы почти невозможным успех такого организованного преступления. Идет много разговоров о «сдержках и противовесах» в американской системе, но они вряд ли вообще могут считаться сдержками, так как каждый из таких институтов является органом центрального правительства и в конечном счете — правящей партии этого правительства. «Сдержки и противовесы» в безгосударственном обществе заключаются именно в самом *свободном рынке*, т.е. наличии свободно конкурирующих полицейских и судебных агентств, которые легко можно было бы мобилизовать для прекращения деятельности любого незаконного агентства.

Это верно, что не может быть полной гарантии того, что чисто рыночное общество не станет жертвой организованной преступности. Однако это понятие гораздо более работоспособно, чем *поистине* утопическая идея строго ограниченного правительства — идея, которая никогда не работала в истории. И понятно почему, ибо встроенная монополия государства на агрессию и присущее ему отсутствие сдержек свободного рынка позволяет государству легко разрывать любые сдерживающие ограничения, которые пытаются на него наложить люди с хорошими намерениями. В конце концов самое худшее, что могло бы произойти, — это восстановление государства. И поскольку государство — это то, что мы имеем *сейчас*, постольку любое экспериментирование с безгосударственным обществом не приведет ни к каким потерям, но даст все выгоды.

Многие экономисты возражают против предоставляемой рынком защиты на том основании, что защита относится к категории так называемых коллективных благ, которые могут предоставляться только государством. Эта ошибочная теория опровергнута в другом месте⁵. Двое из весьма немногочисленных экономистов, которые допускают воз-

---

⁵ См.: *Rothbard. Man, Economy and State. P. 883—886.*

возможность чисто рыночной защиты, написали: «Тогда, если бы индивидуумы хотели платить достаточно высокую цену, защита, общее образование, отдых, армия, военно-морской флот, полицейские управления, школы и парки могли бы предоставляться посредством частной инициативы, так же как продовольствие, одежда и автомобили»⁶.

На самом деле Хантер и Аллен сильно недооценивают степень применимости частной деятельности при предоставлении этих услуг, так как обязательная монополия, извлекающая свои доходы благодаря скорее возведенному в закон принуждению, чем добровольным платежам клиентов, обречена на то, чтобы быть несравненно менее эффективной, чем предоставление указанных услуг свободно конкурирующими частными предприятиями. Заплаченной «ценой» была бы скорее огромная выгода для общества и потребителей, чем навязанные дополнительные издержки.

Таким образом, подлинно свободный рынок абсолютно несовместим с наличием государства — института, позволяющего себе «защищать» личность и собственность при одновременном собственном существовании за счет одностороннего насилия над частной собственностью, именуемого «налогообложением». На свободном рынке защита от насилия была бы такой же услугой, как и любая другая, которую можно получить от свободно конкурирующих частных организаций. Какие бы проблемы ни оставались в этой области, они легко могли бы быть решены на практике в ходе рыночного процесса, того самого процесса, который решил бесчисленные и гораздо более запутанные организационные проблемы. Те сторонники *laissez faire* — экономисты и писатели, прошлые и нынешние, — которые внезапно останавливаются на невероятно утопическом идеале «ограниченного» правительства, впадают в серьезное внутреннее противоречие. Это противоречие идеологии *laissez faire* ясно показал британский политический философ Оберон Герберт: «*A* должен заставлять *B* сотрудничать с ним, либо *B*

---

⁶ Hunter M. H., Allen H. K. Principles of Public Finance. N. Y.: Harper & Bros., 1940. P. 22.

должен заставлять *A*; однако в любом случае сотрудничество не может быть гарантировано, как нам говорят, если в течение всего времени одна сторона не будет заставлять другую сторону образовывать государство. Очень хорошо; но в таком случае что стало с нашей системой индивидуализма? *A* сумел схватить *B*, или *B* — *A*, и принудил его участвовать в системе, которую тот не одобряет, выжимает из него услуги и платежи, которые он не желает предоставлять, фактически стал его хозяином — что это, как не социализм в уменьшенном масштабе? ... В таком случае, будучи убежденным в том, что мнение каждого индивидуума, который не проявляет агрессии в отношении своих соседей, является верховным по отношению к его действиям и это — тот фундамент, на котором зиждется индивидуализм, я отрицаю то, что *A* и *B* могут пойти к *C* и заставить его сформировать государство и извлекать из него определенные платежи и услуги во имя такого государства; и я продолжаю утверждать, что если вы действуете таким образом, то вы в то же время оправдываете государственный социализм»⁷.

---

⁷ *Herbert A., Levy J. H. Taxation and Anarchism. London: The Personal Right Association, 1912. P. 2—3.*

Глава II

**ПРИНЦИПЫ
ВМЕШАТЕЛЬСТВА**

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru